

Семейный квартал

80 лет Музыкальному театру имени Станиславского и Немировича-Данченко

Все было совсем не так, как в пору создания Художественного театра. Они не договаривались о встрече, не назначали обеда. На поезде после многочасовой беседы в "Славянском базаре" на дачу к Станиславскому обсуждать дальнейшие подробности строительства театра. Они уже давно шли разными путями, но однажды доказав свое право на личные приоритеты в искусстве. Больше того, к тому времени, когда музыкальная студия одного и музыкальный театр другого объединились под общей крышей, Станиславского уже не было в живых, а Немировичу-Данченко жить оставалось неполных два года. Театр, который стал носить их имена, как и многие другие тогда, был создан правительственным циркуляром. Но существовал и другой, неведомственный подход, определявший отношение к общественно-политическое, а художественное сознание эпохи. Их не представляли porous, не отдаляли друг от друга, за ними давно и прочно укрепилась одна на двоих репутация реформаторов театральной сцены.

Первыми в дом на Большой Дмитровке, в здании бывшего купеческого клуба, вступили Станиславский. Они же, чуть раньше Немировичевцев, начали свои студийные опыты в Леонтьевском переулке, в особняке, принадлежавшем Станиславскому. Первый же спектакль студии дана только летом 22-го года. Тут студийцы Немировича оказались впереди — "Дочь мадам Анго" Ленка была показана весной 20-го. Но начинали практически в одно и то же время, в 19-м году, когда Станиславский пришел в оперную студию Большого театра, а Немирович-Данченко начал формировать Музыкальную студию Художественного театра. И спустя годы, когда без тревоги и волнения Оперная студия Станиславского и Музыкальный театр имени Немировича-Данченко были объединены, их одновременный или — лучше сказать — единовременный старт определил профиль особого, ни на какой другой не похожего музыкального театра.

Своей юбилей театр, который носит имена патриархов русской сцены XX века, отмечает не формально: в 19-м году родились два театральных потока, которые, слившись вовсю, дали свой почерк, своей метод и свой стиль.

С "начала начал" в современном репертуаре сохранились только один спектакль — "Евгений Онегин" Чайковского, впервые сыграный и сыгранный в парадной зале особняка на Леонтьевской, в концертных костюмах, без грима и парика, под роль. Сохранились — через поколения — интенции этого спектакля, его негромкий пафос и его душевная вибрация. Много писали о пророческой реплике "Царя Федора Иоанновича", которая возвестила о рождении МХАТа. "На это дело крепко и надежно", но никогда не отменил первой, онейской фразы, возвестившей о рождении его "младшего" брата, — "Слышали ли вы?.."

В своем деле, слышали ли вы, что опера, окрещенная Немировичем, получила концертное звучание, получила мхатовскую привычку, вдруг обнаруживала в себе возможность не просто стать художественной реальностью времени, но и воздействовать на искусство драматического театра? И не только найти точный перевод на сцену, но чудесным образом обнаруживая свое сценическое рождение в том, что, как и избегая чужацкого банальности цитирования, именно "искусно человеческое духа". Слышали ли вы, что Павел Марков, залив МХАТа и режиссер Музыкального театра, это полетит

Верху: сбор труппы. 1922 г. Внизу: здание на Большой Дмитровке — 80 лет спустя

привыкли считать себя одной семьей и никогда друг другу не изменяли. И это — тоже от корней, от истоков, от высоких нравственных императивов, от особой интеллигентности духа, которому не страшны пыльные ветры перемен...

Этот театр строили, в нем служили интеллигентные люди. Оберегающие традиции и подвижные до экспериментов, но при этом не терпящие хамства, необразованности, дурных эксальтаций и себялюбства. Здесь и сегодня — в опере ли, в балете — нет жирных интонаций и пренебрежного чванства, трикостности и вранья. Тон, заданный однажды, хранят на сцене и почитают в зрительном зале. Ценят его за искренность, красоту, глубину и чело вечность. Сюда идут за этим, как за чистым — не гордым воздухом. И здесь это чувствуется во всем. В далекой истории, сложной прекарными образами Станиславского, Немировича, Мейерхольда, Баратова, Мордвинова, Рабиновича, Криварова, Бурmeistera, Мелиттер Соловьевой, Рунинцева... В не далекой — приятной эпохе Михайлова, Проваторова и Китаненко, Чайковского и Чинидадзе, Болт и Влаховой, Дроздовой и Тедешева, Алтошиной и Исковой, Мишевского и Кленова... И в сегодняшнем дне — в будущем обращении, где нас ждут новые премьеры Тителли, Брицкева, Арефьева, новые партии и роли Черных, Осипова, Поликанова, Баскина, Чернобровникова, Ледской Кириллова, Забуркина, совсем мслодых Гуржиковой, Герзамы, Агду Кузьменко, Крапивников, Диска, Смирленко...

И нет ничего лучше, когда длинную историю Дома, Семьи, Театра продолжает большие и красивые имена. В дни юбилей их звучания обретает особый — надежды и счастиям наполненный — смысл. Вслед за этим только одно — аплодисменты.

раньше и лучше других, написав, что для Станиславского опыт постановки оперы не был случайностью и что "тот психологизм Художественного театра, который наивс на театре такой утомой и такой непереносимой тяжестью, нуждался в очищении и освобождении от тисков пут бытовых правдоподобий... Произошло то уточнение психологизма, в котором театр давно нуждался и которое по существу лишает психологизм присущий ему нетерпеливости черт и переводит его в иную плоскость — истинно творческие волеи и стремления". И Марков же, памятуя о том, что Немирович-Данченко первым понял, что искусство МХАТа нуждается в реформе, писал: "Немирович-Данченко пришел к музыкальной реформе со взглядами и намерениями, которые он не мог всегда до конца выполнять в таком сложном организме, как МХТ... Немирович-Данченко как бы высвободил в Музыкальной студии стороны своего творчества, не до конца раскрытые в МХТ".

Имена патриархов, когда-то перекручивавших весь театральный мир, до сих пор освещают благословенные сцены театра на Большой Дмитровке. И кажется, что время от времени, когда театр замирает от дивных треволнений, здесь продолжается никому не слышимый диалог великих — колдунья, пророк-нашик будущее, в котором утратил всех, кто оказывается причастным к строительству театра, рождает диалог со зрительным залом.

Театр и в самом деле строит. Стройки в буквальном смысле слова предождал пару лет назад шумевший молодежный спектакль — "Свадьба Фигаро" Моцарта, который тем и начинался: строительные мискозми, ведрами с краской, защитной ремной сеткой, закрывавшей собой половину зрительного фойе, где развораживалось азартно придуманное Александром Тителли и Игорем Ясуловичем зрелище. С "чистого листа", при дожном пиветете к истории, здесь мажорно повыскаки. Коить и посе-

© И. КОРОБКО

краивать, строить и перестраивать — тоже.

Что кроет и что стройт? Уточнение кроет и что стройт? Уточнение прозлит обернуться непреодолимой тяжестью над всем русским театром? Высокбоджат силы с тем, чтобы в молодежной и неопытной компании едва начинающих артистов сделать то, чему тормосом оказываются традиции, сколь почитае-лись, столь же и опасные для жового театрального дела? Что хотят 'двйкать' и чем удивить, попереж всех возможностей перерожающая вслед за стройкой театральной всамделишными строительными лесами Козичий переулк и, не прекращая давать спектакли, зетают реконструировать всего здания?

Здесь — от праотцов — кажется, раз и навсегда заведен порядок четко и искренно делать дело. Вопреки переменам времени (социальным, политическим, художественным, эстетическим и т.д.) дело строительства театра не должно прекращаться ни на мгновение, ни один спектакль не должен быть похожим на другой. Другой должен отличаться от предыдущего новым, дополнительным смыслом, неведомым ранее красками и впервые найденными штрихами. Здесь битосы тиранкования чувств и эмоций и каждый день отталкиваются на поиски тонкого тона и верного звука душевных движений заново.

Этот труд никак не декларируется, не оформляется сменными девизами, он исторически вписан в память всех последующих поколений и обязан своим происхождением студийности как родовому признаку происхождения театра. Даже когда студийность себя изживает, перестает определять стиль и образ жизни труппы, контуры художественных исканий ее предшодителей, она неминуемо присутствует в сверхзадаче общего движения — делать дело, искать смыслы, слушать себя и время. Строить Театр.

Театр, который отмечает сегодня свое 80-летие, не раз, начиная заново, собирал подвижников и энтузиастов, которые необычайно составляли студии единомышленников, искателей, энтузиастов. Много позже они становились мастерами, увенчанными лаврами и почетными званиемми, но и во славу своего осущоление себя общего строительства театра. Студийность почти всегда — даже при раздорах и склоках, чего, увы, порой избежать не удавалось, оборачивалась осемейственностью, а осемейственностью, почитаемая и охраняемая поколениями зрителей. Но... Слово "семья" нынче звучит двусмысленно, хотя и не теряет от тоск своего главного значения. Театр и зритель в квартале Большой Дмитровки

16.02.12
 сбор труппы
 и музыкантов Дмитровка 1999